

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ

Натиг Расулзаде,
писатель, заслуженный деятель искусств

ИСТОЧАЮЩИЙ СВЕТ

(об Олеге Волкове)

Олег Волков

Главным для него в жизни человеческой были нравственность и достоинство. Власть большевиков отняла у него все — самую, быть может, славную пору молодости, когда человек уже не совсем юн и может оценить преимущества своего возраста, может умно использовать их; семью, которая, только возникнув и оставшись без главы, распалась; очень плодотворное для писателя время, время творить и созидать, прислушиваясь к своим чувствам, еще не притупленным тяжелой жизнью, борьбой за существование. И взамен дала ему только эту борьбу — за существование, за выживание — отторженное колючей проволокой, колючим неприятием оболваненных масс...

Двадцать семь лет провел Олег Васильевич Волков в сталинских лагерях, огромный отрезок большой своей жизни, но не был сломлен и выходил на волю таким же, каким был в первый день допроса.

Олег Волков чем-то напоминает Достоевского — умные, усталые глаза человека, много повидавшего, много размышлявшего, высокое чело, вместившее бесчисленные страдания и думы, благородное лицо потомственного дворянина.

“Более полусуток провел я в кабинете следователя. Если и до этого у меня не было иллюзий — еще в самом начале, еще в семнадцатом году, мне, юноше, стало очевидно, что отныне беззаконие займет место закона, лишь для видимости порой рядясь в его одежды, — то диалог с подручными Дзержинского, “рыцаря революции”, убедил окончательно: правосудием тут и не пахнет”.

Волков, получивший образование в знаменитом Тенишевском училище, где, кстати, учился в одном классе с блистательным Владимиром Набоковым, Волков, чье детство, безоблачное и счастливое, какой и должна быть эта пора жизни, лишенный комплексов, раскрепощенный духовно и много ожидавший от духовной своей жизни, был убежден в том, что человек — венец всего сущего на земле, неповторимое и прекрасное творение Провидения (как он любил писать в своих книгах), именно человек — соль, стержень земли, вокруг которого вращается Вселенная. Человек, а не странное, алхимическое слово — массы.

Правда жизни сквозит в каждой строчке, каждой странице произведений Олега Волкова. Правда была главным, ради чего он и брался за перо, была альфой и омегой его творений. Особенно ярко это видно

из автобиографического романа “Погружение во тьму”.

Человек, сильный духом, один из первых соловецких узников — дворян, за невероятно долгий срок заключения познавший все тяготы лагерного существования, которые только можно себе вообразить, — Волков выжил и дожил до девяностотрехлетнего возраста, до конца жизни оставаясь верным своему писательскому призванию, своей светлой идее: “Мне с детства внушали, что люди делятся не по национальному признаку, а по принципу моральных достоинств...”

Глубоко русский, российский писатель, но в то же время как истинный гражданин планеты, интернациональной по сути своей, он сразу почувствовал в молодом мусаватском движении Азербайджана противостояние нарождающемуся тоталитарному строю, старающемуся подмять под себя все инакомыслящее. Он с большой симпатией писал о тогдашних мусаватистах, с которыми отбывал срок в Соловках.

“...В то время в Бутырке их было около трехсот, ссылаемых на Соловки членов партии мусаватистов. Цвет тюркской — по-позднейшему, азербайджанской — интеллигенции... Мне открылся мир неведомый и своеобразный. Мир небольшого народа, отчаянно отстаивающего свою самостоятельность. Свои традиционные воззрения и обычаи дедов.

Когда потом пришлось жить бок о бок с мусаватистами на Соловках, я видел, каким сыновним уважением окружены у них седоголовые, как заботливо следят старшие, чтобы никто не был обделен за братской трапезой, как внимательны к тем, кто ищет уединения для молитвы... По ним я мог судить, насколько далеко зашло за минувшее

десятилетие одичание русского общества. Как ожесточились характеры по сравнению с окраинными народами, куда позднее проникли и где на первых порах осторожнее внедрялись заповеди новой морали.

Смуглый, почти черный на белизне постели Махмуд... скупко рассказывает об убийствах в бакинских застенках, о сопровождавших дознания избиениях и пытках. Следы их — темными пятнами шрамов — были на всем теле Махмуда. Тогда эти наглядные свидетельства возвращения к приемам средневековья еще не укладывались в сознании, казались отражением нравов жестокого Востока. Какой-то тамерлановщиной, немыслимой в новой, советской России.

На первых порах все мусаватисты были поселены вместе — в один из старых монастырских корпусов, переименованных в роты, — и оставлены в покое. Но такое положение слишком противоречило целям лагеря и настроениям начальства: именно в этот период на смену “кустарничеству” приходила заново разработанная крупномасштабная карательная политика.

И мусаватистов попробовали заставить врасплох: вывели во двор как бы на проверку и... передали нарядчикам. Произошли свалки и соблазнительные для всей прочей серой скотинки сцены... От лобового наскока пришлось откаться...”

Волков пишет, что большинство мусаватистов, объявивших голодовку, было настроено стоять до конца.

“Их все-таки сломили. Обещали — приходил к ним сам начальник лагеря Эйхманс — дать работу по желанию и вновь поселить их вместе. Тут же принесли еду — горячее молоко, рис.

Само собой — обманули... Знали, что у человека, ощутившего счастье перехода на рельсы жизни после трехнедельного соскальзывания в тупик смерти, уже не хватит духа вновь с ними сойти. Не поддались лишь староста мусаватистов и несколько его ближайших

друзей. Мы с Георгием пытались их уговорить.

— Я решил умереть, — твердо сказал нам староста. — Не потому, что разлюбил жизнь. А потому, что при всех обстоятельствах мы обречены. Мы и на Соловки-то привезены с тем, чтобы покончить с остатками нашей самостоятельности. Мы и наши цели слишком обогнали, чтобы я мог коротко объяснить трагедию своего народа... Он закрыл глаза и долго молчал. На осунувшемся его лице мы прочли волю человека, неспособного примириться с отвергаемыми порядками. — Так уж лучше так, несдавшимся!”

С гордостью вспоминает Олег Волков слова старосты мусаватистов: “Таких русских, как вы, мы любим”.

“Оглядываясь на мою жизнь — я это пишу в 1986 году, — вспоминаю случаи, когда чувствовал свою вину русского из-за принадлежности к могучему народу — покорителю и завоевателю, перед которым приходилось смиряться и поступаться национальным. Так было в некоторые минуты общения с паном Феликсом... Но особенно — когда развернулась перед глазами трагическая эпопея мусаватистов, словно и я был участником насилия над слабейшими...”

Не каждому писателю выпадает на долю, “погружаясь во тьму”, своим даром, всей жизнью своей рассеивать эту тьму, источая свет. Замечательному русскому писателю Олегу Волкову это удалось. Свет его созидательного творчества еще долго будет рассеивать тьму нашей жизни, напоминая о таких простых вещах, как благородство, честь, достоинство, о многих прекрасных качествах, которым должен оставаться верен человек на всем пути от рождения до смерти.

г. Баку

Александр СЕРАФИМОВИЧ. “Железный поток”.

Художник А. Кокорин